

«БОЛЬШАЯ ИГРА 2.0»: ИСЛАМСКИЙ МОТИВ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1990–2000 гг.)

Рассматривается процесс становления и развития национальных подходов Турции, Ирана и Саудовской Аравии к новой подсистеме международных отношений на пространстве Центральной Азии в первое десятилетие после завершения bipolarного противостояния. Акцент в работе сделан на анализе идеального и прагматического начал внешнеполитических мотивов исламских государств при реализации центральноазиатского вектора внешней политики.

Ключевые слова: Центральная Азия; геополитика; «Большая игра»; Турция; Иран; Саудовская Аравия.

Центральная Азия – это особенный регион в архитектуре мировой политики, который неразрывно связан с историей развития человеческой цивилизации, причем с его наиболее утилитарной и практической частью – мировой торговлей. Экономико-логистическая значимость Великого Шелкового пути не могла не сказаться на рефлексии английского географа Х. Маккиндера о детерминантах мирового лидерства в международных отношениях, среди которых Центральной Азии было отведено одно из ключевых мест в логической цепи по захвату и контролю мирового господства [1]. С начала XX в. сюжет о противостоянии государств суши и моря прочно входит в антологию геополитического анализа, а благодаря другому англичанину – Р. Кипплингу – география современной Центральной Азии вместе с термином «Большая игра» приковывает внимание международной общественности.

Динамика исторического процесса в конце XX в. и последовавшая актуализация геополитики в международных отношениях не могли не сказаться на положении Центральной Азии в международных отношениях. Как реакция на высвобождение центральноазиатского пространства от советского экономического и политического тяготения начинают формироваться страновые подходы региональных и внерегиональных акторов мировой политики. В течение следующих десяти лет после распада СССР происходит калибровка внешнеполитических векторов основных акторов региональной политики в Центральной Азии [2].

Параллельно с восстановлением естественных интересов РФ и КНР как стран, частично входящих в географические пределы Центральной Азии, и США на правах оставшейся в одиночестве сверхдержавы, драматургия международных отношений последних лет XX в. подтолкнула к более решительным действиям нетривиальных субъектов для центральноазиатской дипломатии, среди которых наибольший интерес проявили такие государства, как Турция, Иран и Саудовская Аравия.

Прекращение американско-советского противостояния серьезно повлияло на международные позиции Турции, отношения с которой становились менее актуальными для Запада в свете новых раскладов на мировой политической карте. В частности, возникли естественные вопросы о будущем характере отношений Турции в рамках ЕС и НАТО. Как реакция на эти вызовы турецкие правящие круги увидели в развитии

отношений со странами Закавказья и Центральной Азии возможность расширить международное влияние Турции и, как следствие, повысить значимость Турции в процессе обустройства новой архитектуры международных отношений.

С конца 1991 г. турецкая дипломатия активно включилась в развитие отношений с бывшими советскими республиками на Кавказе и Центральной Азии, началась резкая активизация контактов на высоком уровне между турецкими и центральноазиатскими функционерами. Новый вектор получает высокий приоритет во внешней политике Президента Тургата Озала, а впоследствии и Сулеймана Демиреля [3]. В 1992–1993 гг. произошло организационное и институциональное оформление турецкой внешней политики в ЦАР (Центрально-Азиатском регионе): в целях координации помощи государствами Центральной Азии и Закавказья было создано новое ведомство – Турецкое агентство международного сотрудничества и развития; в МИД Турции был образован отдельный департамент стран Центральной Азии; учреждены регулярные саммиты глав тюркоязычных государств; в культурной сфере была создана Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ). Более того, под это направление внешней политики Турции подводилось идеологическое основание, тесно связанное с идеями пантюркизма. В турецкой общественно-политической среде того периода получили распространения тезисы о большом турецком мире от Адриатики до Великой китайской стены, об уникальности турецкой экономической модели для стран Центральной Азии, о Турции как лидере, большом брате всех тюркоязычных стран [4]. Такое массированное, идеологически заряженное, дипломатическое наступление Турции в Центральной Азии вызвало опасение со стороны новых элит стран региона, что в купе с начавшимися в 1994 г. экономическими проблемами выбило почву из под амбиций Анкары возглавить регион.

В середине 1990-х правящие круги Турции начали переосмысление центральноазиатской политики на основе более реалистичных оценок ситуации в Центральной Азии. Новые горизонты подсказал бизнес: в 1994 г. Турецкая нефтяная корпорация (ТРАО) в составе международного консорциума (BP, Chevron, Inpex, Itochu, ExxonMobil, ONGC Videsh Ltd, SOCAR, Statoil) получила контракт на разработку Азербайджанских месторождений Азери, Чираг и Гюнешли,

где турецкой территории отводилась роль страны – транспортера нефти из Каспия в Европу как альтернативы российской инфраструктуре через Новороссийск [5]. Идея о Турции, как коридоре транспортировки углеводородов из Каспия и Центральной Азии в Европу, получила популярность среди турецкой политической элиты, в которой усмотрели большой стратегический потенциал: а) Турция как ключевой элемент энергетической инфраструктуры региона, посредник для стран Центральной Азии и Кавказа в Европу; б) Турция как весомый игрок на европейском энергетическом рынке; в) обеспечение собственных растущих потребностей в углеводородах [6].

Также происходит изменение подходов к внешней политике в области формирования единой тюркской общности во главе с Турцией. В этом направлении развитие получили более гибкие стратегические форматы в рамках публичной дипломатии и «мягкой силы». В новой версии продвижение экономических и политических турецких интересов в странах Центральной Азии было возложено на гуманитарную сферу: обучение военных кадров, развитие сети турецких школ и университетов, поддержка студенческого обмена, работа в сфере неправительственных организаций [7].

Таким образом, к концу 1990-х центральноазиатское направление прочно заняло место среди важнейших внешнеполитических приоритетов Турции. Методом проб и ошибок Анкара сформировала собственную мотивацию в Центральной Азии, в основу которой были положены как весьма прагматичные интересы в области углеводородов Каспия и Центральной Азии, так и стратегические проектные конструкции по созданию регионального центра силы во главе с Турцией на базе этнолингвистического родства тюркских народов.

Интересные стартовые позиции для начала внешней политики в Центральной Азии сложились у Исламской Республики Иран. Эта страна в начале 90-х оказалась в мощной международной изоляции: Исламская революция 1979 г. в шиитском Иране и идеи её экспорта привели к блокаде со стороны суннитских и салафитских стран Ближнего Востока; экономика, ослабленная войной с Ираком (1980–1988 гг.), существовала под влиянием непрекращающихся санкций со стороны западных государств; на восточных границах происходила мощная эскалация конфликта в Афганистане под знаменами радикальных исламистских движений – в таких условиях на севере иранской границы появляются новые государства. Находясь в практически полной изоляции с юга, запада и востока, Иран был крайне заинтересован в налаживании устойчивой дипломатии в новой центральноазиатской подсистеме международных отношений.

С первых лет существования новых независимых государств в Центральной Азии Иран продемонстрировал очень взвешенный подход в реализации этого вектора внешней политики, в котором главной целью стало преодоление режима международной изоляции страны. В этом контексте пред внешней политикой Ирана в ЦАИ возникли две основные задачи: формирование лояльной атмосферы для развития экономических и политических отношений с постсо-

ветскими республиками Центральной Азии и нахождение баланса интересов с естественными акторами региональной политики (РФ и КНР).

Исходя из поставленных задач, Иран откинул инициативы по наращиванию своего политического влияния в опоре на религиозный фактор и тем более по экспорту «исламской революции» в регионе. Эффективное подключение Ирана в урегулировании конфликта в Таджикистане (1992–1997 гг.), в котором иранская сторона, вопреки многим прогнозам, поддержала представителей светской пророссийской элиты, только упрочила позитивное восприятие иранской политики в Центральной Азии. Например, Е.М. Примаков отмечает, что в ходе российско-иранских контактов по таджикостанской проблематике, когда стала очевидна бесперспективность усиления иранских позиций в Таджикистане, был сделан вывод, что Иран стремится выйти из изоляции и «принять участие в позитивных процессах на международной арене» [8]. Соответственно, в публичной дипломатии Ирана в Центральной Азии акцент был сделан на более приемлемую для РФ, КНР и новых постсоветских республик культурно-историческую общность Ирана и народов Центральной Азии, в основе которой находились язык фарси и общее персидское историческое наследие. Однако в политических крайних правых кругах Ирана появилась этноориентированная идея об «Арийском единстве», где Таджикистан и Афганистан рассматриваются как части «Большого Ирана» [9].

В экономической плоскости Иран увидел в новых рынках стран Центральной Азии возможность создания альтернативной западным санкциям торговой и энергетической инфраструктуры. В частности, в рамках проекта по созданию Транскаспийской железнодорожной магистрали уже в 1995–1996 гг. были соединены железнодорожные сети Ирана и стран Центральной Азии после сдачи в эксплуатацию веток Бафк – Бендер-Аббас и Мешхед – Серакс – Теджен. Также были анонсированы планы по объединению энергосетей Ирана, Туркменистана и Таджикистана для более эффективного обеспечения электричеством испытывающих дефицит территорий. Большое значение имел трубопроводный потенциал Ирана как посредника для транзита каспийских и центральноазиатских углеводородов на Запад и как возможность экспорта энергетических ресурсов Ирана на Восток [10].

Таким образом, Центральная Азия становится важным элементом обеспечения безопасности Исламской республики Иран, что априори определило высокий приоритет этому вектору во внешней политике Ирана. Реализация этого направления получила развитие в трех основных измерениях: а) геоэкономическое – развитие экономических проектов в области транспорта и энергетики для объединения рынков стран Центральной Азии и Персидского залива; б) цивилизационное – реактуализация исторической вовлеченности народов ЦАИ в ареал персидских культурно-исторических ценностей; в) «реалполитическое» – формирование лояльного режима взаимодействия с РФ и КНР в регионе в качестве противовеса западной антииранской политике.

Появление новых исламских государств на постсоветском пространстве было воодушевленно воспринято политическими кругами Саудовской Аравии как «победа ислама над атеистической советской идеологией и освобождение мусульманских народов Центральной Азии от русской тирании» [11]. Эти тектонические изменения в архитектуре международных отношений были восприняты Саудовской Аравией как благоприятный момент для более открытой и активной политики по консолидации мирового исламского сообщества при ведущей роли Королевства. В этом контексте включение шести новых исламских государств: Азербайджана, Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана – во внешнеполитическую орбиту Королевства стали рассматриваться как важный элемент становления Саудовской Аравии в качестве лидера мусульманского мира [Там же].

Уже в начале 90-х гг. во внутриполитическом дискурсе Саудовского Королевства центральноазиатское направление получило концептуальное наполнение, в основу которого была положена георелигиозная схема: Саудовская Аравия – «центр» мусульманской уммы (общины), содействует возвращению в мусульманское сообщество её «окраины» – страны Центральной Азии. Главная угроза возвращению в мусульманскую общину государств Центральной Азии была определена термином «джахилийи» – религиозное невежество и регресс народов Центральной Азии в результате коммунистического управления и деятельности местной советской бюрократии. Исходя из поставленных угроз, был сформирован основной внешнеполитический мотив Саудовской Аравии в Центральной Азии: укрепление исламского характера и идентичности государств региона, духовное возрождение новых членов уммы с помощью экономической и моральной поддержки деятельности подлинно мусульманских организаций и благотворительных фондов. Поддержанные исламские НКО организовали мощный культурно-религиозный натиск на общества стран ЦАР: распространение миллионов тиражей литературы религиозного содержания; поддержка религиозной мобильности (оплата хаджа для выходцев из региона) и образования населения (квоты на учебу в арабских религиозных учреждениях); реставрация и строительство новых мечетей. Например, с 1993 по 1997 г. Всемирный комитет исламского спасения оказал помощь в строительстве и восстановлении 220 мечетей на территории стран Центральной Азии. Более того, в долгосрочной перспективе декларировались цели по восстановлению 26 тыс. мечетей [12].

Интересно отметить, что публичная дипломатия Саудовской Аравии намного опережала классическую в ЦАР. Официальные дипломатические представительства Королевства были открыты только к концу 90-х гг. и только в двух странах региона: 1996 – Казахстан, 1997 – Узбекистан, что свидетельствует об определенных страновых приоритетах Монархии, с одной стороны, и отсутствии четкого официального внешнеполитического подхода к региону – с другой. К концу тысячелетия в политическом истеблишменте Монархии получил признание факт, что Саудовская

Аравия серьезно отстала от других стран по уровню экономического взаимодействия со странами Центральной Азии, что существенно сокращает возможности Королевства в регионе. Более того, активное развитие масштабных проектов по добыче и транспортировке углеводородных ресурсов центральноазиатского пространства при незначительном участии арабского капитала стало рассматриваться как вызов особому статусу углеводородов Персидского залива на мировых энергетических рынках. В таких условиях формируется потребность в создании более прагматичной стратегии взаимодействия с мусульманскими странами Центральной Азии, которая бы учитывала специфику международной конкуренции в регионе. Формируется идея «стратегического мусульманского блока», который, обладая значительными мировыми нефтегазовыми запасами, базируется на единстве историко-культурных уз и общих экономических интересах [12].

В итоге к началу нового тысячелетия во внешней политике Королевства Саудовская Аравия формируются две линии взаимодействия со странами Центральной Азии. Первое – георелигиозное, получило развитие в области публичной дипломатии, в основе которого лежали идеи содействию через неправительственный сектор религиозному возрождению народов Центральной Азии и присоединению их к мировому мусульманскому сообществу во главе с Королевством Саудовская Аравия. Второе – экономическое, стало формироваться под прессом развернувшейся конкуренции между внутренними и внешними акторами центральноазиатской подсистемы международных отношений, которое требовало более активного участия арабского капитала и предпринимательского класса для продвижения интересов Саудовской Аравии как на региональном уровне, так и в общем глобальном контексте.

Активное включение центральноазиатского пространства во внешнеполитические орбиты конкурирующих между собой лидеров исламского мира способствовали стремительному становлению новой подсистемы международных отношений. Мотивации этих участников центральноазиатской дипломатии получили резко выраженные геополитические основания, которые концентрировались на соперничестве за ресурсный потенциал региона и его логистико-инфраструктурные возможности. В качестве обеспечения своих страновых интересов народы и общества стран Центральной Азии стали рассматриваться как объект моделирования в разнообразных форматах: от различных вариантов воссоединения в рамках историко-этноцентристских конструкций до единства на основе культурно-религиозной детерминации. Амбиции и усилия исламских акторов в регионе, которые порой превосходили активность хрестоматийных антагонистов, послужили катализатором для роста интереса центральноазиатской проблематики в международных экспертных кругах, что способствовало формированию и распространению представлений о Центральной Азии как об арене международной конкуренции и борьбы за влияние.

К началу нового тысячелетия наблюдается новый виток геополитической борьбы государств в Централь-

ной Азии, история неумолимо напоминает о своем главном качестве – повторяться. Правила «Большой игры 2.0» претерпели значительные новации. Во-первых,кратно увеличилось число игроков, на смену англо-российскому соперничеству пришла запутанная система региональных и внерегиональных интересов, где очень высокую активность начали проявлять страны – лидеры «мусульманского мира»: Турция, Иран, Саудовская Аравия. Во-вторых, значительно обогатился спектр и направления взаимодействия между сторонами. Услож-

нились гироскопические характеристики регионального баланса. В новой версии динамическое равновесие приобрело энергетическую, торгово-экономическую, интеграционно-проектную, военно-стратегическую, культурно-идеологическую, религиозную оси. В таких условиях система кооперативных и конфронтационных отношений между государствами и его агентами в Центральной Азии требует максимальной концентрации внимания и стратегического расчета для обеспечения своих национальных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // *Полис*. 1995. № 4. С. 162–169.
2. Борисов Д.А. Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность / под ред. проф. О.И. Ивониной. Новосибирск : НГУЭУ, 2015. С. 292.
3. Терехов Р.С. Политические доктрины МИД Турецкой Республики в 1990-е годы // *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2010. № 2. С. 112–118.
4. Троицкий Е.Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 328. С. 84–88.
5. Тюрин А. Нефтяное процветание Азербайджана: упущенные доходы и неоднозначные перспективы // Информационно-аналитический портал «Однако». URL: <http://www.odnako.org/blogs/neftyanoe-procvetanie-azerbaydzhana-upushchennye-dohodi-i-neodnoznachnie-perspektivi>
6. Kemal Kirisci The Rise and Fall of Turkey as a Model for the Arab World // Brookings institution. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2013/08/15-rise-and-fall-turkey-model-middle-east>
7. Варбанец П. Региональные центры силы и их политика в Центральной Азии (Турецкий вектор борьбы за лидерство на исламском востоке) // *Центральная Азия и Кавказ*. 2008. № 1 (55). С. 51–60.
8. Князев А. Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии – эволюция и приоритеты // ИА ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1208498760>
9. Джонстон У. Культурная политика Ирана в Республиках Центральной Азии и Южного Кавказа после 1992 года // *Центральная Азия и Кавказ*. 2007. № 4 (52). С. 126–140.
10. Варнавский Д. Иран и государства Центральной Азии: генезис, состояние и перспективы сотрудничества // *Центральная Азия и Кавказ*. 2008. № 2 (56). С. 126–140; 145–152.
11. Carol E.B. Choksy (2015) The Saudi Connection: Wahhabism and Global Jihad // *The World Affairs Journal*. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/saudi-connection-wahhabism-and-global-jihad>
12. Косач Г.Г. Политика Саудовской Аравии на постсоветском «мусульманском» юге: цели и итоги курса // *Вестник Евразии*. 2005. № 2. С. 151–179.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 апреля 2016 г.

“THE GREAT GAME 2.0” IN CENTRAL ASIA (THE BEGINNING: 1990–2000)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 44–48.

DOI: 10.17223/15617793/407/7

Borisov Denis A. Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). Email: denisborisov@mail.ru

Keywords: Central Asia; geopolitics; foreign policy of regional states; Turkey; Iran; Saudi Arabia.

The article deals with the development of the Central Asian sub-system of international relations in the first decade after the end of the bipolar confrontation. The growth of state interest to Central Asia of such countries as Turkey, Iran and Saudi Arabia is specially noted. This work studies the formation of the Central Asian direction of foreign policy among Islamic actors through the prism of geopolitical analysis. The focus of the work is on the identification of the idealistic and pragmatic determinants of the foreign policy of Turkey, Iran and Saudi Arabia during the implementation of the Central Asian vector of foreign policy. It may be noted that in the last decade of the 20th century geopolitical motives occupied a dominant position in the foreign policy of Islamic countries interested in the CAR. During the 1990s Saudi Arabia formed two lines of cooperation with Central Asian countries. The first line is “geo-religious”, which in the public diplomacy sphere started to promote the development of the religious revival of the peoples of Central Asia and their accession to the global Muslim community led by SA. The second line is economic, where the share of Arab capital and business in the regional markets increased in order to advance the interests of Saudi Arabia. Iran’s foreign policy in Central Asia received three major reasons: a) “geo-economic”, the development of economic projects in the field of transport and energy for the unification of markets of Central Asia and the Persian Gulf; b) “civilizational”, the reactualization of the historical involvement of the peoples of Central Asia in the Persian cultural and historical values; c) “real-political”, the formation of a loyal regime of interaction with Russia and China in the region as a counterweight to the Western anti-Iranian policy. Turkey formed its own foreign policy motivations in Central Asia which combined both economic interests to the Caspian and Central Asian hydrocarbons and strategic ethnolinguistic projects for the establishment of a regional center of power headed by Turkey on the basis of the Turkic peoples kinship. Among all international actors in Central Asia, the Muslim powers have shown the greatest activity and consistency in the implementation of the Central Asian direction. Because of this renewed Islamic interest of Turkey, Iran, Saudi Arabia, the problems of Central Asia firmly fixed in the forefront of the international agenda by the beginning of the new millennium. The dynamics of this competition between the states in the region gives reason to draw parallels with the historical events called “The Great Game”.

REFERENCES

1. Mackinder, J. (1995) *Geograficheskaya os' istorii* [The Geographical Pivot of History]. *Polis*. 4. pp. 162–169.

2. Borisov, D.A. (2014) *Konfiguratsiya novogo miroponyadka: proekty i real'nost'* [The configuration of the new world order: Projects and Reality]. Novosibirsk: NSUEM.
3. Terekhov, R.S. (2010) Politicheskie doktriny MID Turetskoy Respubliki v 1990-e gody [Political doctrines of the Republic of Turkey in the 1990s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Science Journal of Volgograd State University*. 2. pp. 112–118.
4. Troitskiy, E.F. (2003) Turkey's policy in Central Asia (1992-2000). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 328. pp. 84–88. (In Russian).
5. Tyurin, A. (2014) *Neftyanoe protsvetanie Azerbaydzhana: upushchennye dokhody i neodnoznachnye perspektivy* [Azerbaijan's oil and gas prosperity: lost income and mixed perspectives]. Website of The Odnako Information Agency. [Online]. Available from: <http://www.odnako.org/blogs/neftyanoe-prosvetanie-azerbaydzhana-upushchennye-dokhody-i-neodnoznachnye-perspektivi/>.
6. Kemal Kirisci. (2014) *The Rise and Fall of Turkey as a Model for the Arab World*. Website of Brookings institution. [Online]. Available from: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2013/08/15-rise-and-fall-turkey-model-middle-east>.
7. Varbanets, P. (2008) Regional centers of power and their Eurasian politics (Rivalry in the Islamic East—The Turkish Vector). *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz – Central Asia and the Caucasus*. 1(55). pp. 51–60. (In Russian).
8. Knyazev, A. (2008) *Regional'naya strategiya Irana v Tsentrāl'noy Azii – evolyutsiya i priority* [Iran's regional strategy in Central Asia – evolution and priorities]. Website of The Centrasia Information Agency. Available from: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1208498760>.
9. Johnston, W. (2007) Iran's cultural foreign policy in Central Asia and the Southern Caucasus since 1991. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz – Central Asia and the Caucasus*. 4(52). pp. 126–140. (In Russian).
10. Varnavskiy, D. (2008) Cooperation between Iran and the Central Asian states: past, present, and future. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz – Central Asia and the Caucasus*. 2(56). pp. 126–140. (In Russian).
11. Choksy, C.E.B. & Choksy, J.K. (2015) The Saudi Connection: Wahhabism and Global Jihad. *World Affairs*. May–June. [Online]. Available from: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/saudi-connection-wahhabism-and-global-jihad>.
12. Kosach, G.G. (2005) Politika Saudovskoy Aravii na postsovet'skom "musul'manskom" yuge: tseli i itogi kursa [Saudi Arabia's policy on post-soviet "muslim" south: the purposes and outcome of the course]. *Vestnik Evrazii*. 2. pp. 151–179.

Received: 05 April 2016